

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

ОСАДА ПЕРВАЯ. НЕУДАЧНАЯ

Русско-литовская война началась осенью 1512 года, как только Василию III стало известно, что в Браславле была арестована его сестра, великая княгиня Елена Ивановна. Ещё одним серьёзным поводом для войны стало заключённое между Вильно и Бахчисараем антимосковское соглашение, после которого крымские татары произвели набег на южные рубежи России. В конце осени 1512-го, с началом «санного пути», когда дороги промёрзли, русское войско с большим количеством артиллерии двинулось на Смоленск.

20 января 1513 года магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг получил от прибывших из Москвы послов подробные сведения о военных приготовлениях Василия Ивановича: очевидцы сообщали, что во главе грозного бесчисленного войска стоит «господин герцог Михель» (Михаил Глинский), в самой Москве приготовлено множество превосходных пушек — картаун, мортир, шлангов и других огнестрельных орудий¹. Московское войско пополнили также и военные специалисты, нанятые в Европе для службы в Московии слугой Глинского Христофором Шляйицем².

По описаниям того времени, смоленская крепость была защищена «самим потоком [Днепра], болотами и также человеческими усилиями, укреплениями и дубовыми бревнами, сложенными четверной стеной и наполненными смолистой глиной, и даже лишённой покрытых площадей, рвом и высоким валом обнесена вокруг, так что виднелись только крыши домов. И ни ударами бомбард, ни стено-битными орудиями, ни различными подкопами, ни огнем или серой нельзя их ни спровергнуть, ни взойти на них»³.

«Наперёд своею походу» для блокирования крепости была послана рать И. М. Репни-Оболенского и И. А. Челядина (всего 10 воевод)⁴. На северо-западном направлении — в районах Браславля и Дрисвяты — действовали небольшие отряды Ф. Ю. Щуки-Кутузова, М. С. Воронцова, А. Н. Бутурлина и В. С. Швих-Одоевского (также 10 воевод). К Холмскому городку выдвинулась рать В. В. Шуйского (5 воевод). В киевскую землю пошёл вассал Василия III Василий Шемячич с новгород-северской дружиной. В январе 1513 года, когда были установлены артиллерийские батареи, началась первая осада Смоленска.

Король польский и великий князь литовский Сигизмунд I Старый писал своему брату, венгерскому королю Владиславу: «Мы узнали, что этот нечестный враг в нарушение договора вторгся в наше Великое княжество и осадил крепости, в том числе

Алексей ЛОБИН,
кандидат исторических наук

ТРИ ОСАДЫ СМОЛЕНСКА

Письмо келлермейстера З. фон Бухенау о взятии Смоленска. Рагнит, 18 августа 1514 г. (GStAPK)

замок Смоленск, большими армиями; на праздник Богоявления⁵ он пытался штурмовать замок Смоленск, и его сто сорок бомбард метали камни⁶. Весьма показательна запись переговоров в Вендене в феврале 1513-го между представителями ВКЛ и Ливонии из-за начавшегося вторжения московитов. По словам представителей, московский князь «несколько недель тому назад послал двух братьев, князей Георгия и Андрея, со своими предводителями, с большими артиллерийскими орудиями и другими осадными машинами под его королевского величества замок, вышеупомянутый Смоленск, чтобы захватить его и владеть им. Другие предводители [с войсками] направлены в города Полоцк, Витебск, Мстиславль, Оршу и многие другие замки, и творят в тех областях огнём и мечом великое насилие ...»⁷.

Под Смоленском русские стояли «б недель», после чего Василий Иванович решил испытать судьбу приступом. Для ночного штурма сформировали команду из пехотинцев (пищальников) во главе с сотником Хорузой. В псковских летописях этот момент описан так: «И князь великий дал

Хорузе сотнику, псковским пищальником с товарищи, 3 бочки пива да 3 бочки мёду». Этого количества хмельных напитков хватило на тысячу охотников — примерно столько и пошло на штурм.

Рассказы участников того неудачного штурма записаны в Псковской летописи: «И напивши полезоша на приступ ко граду, и иных городов пищальники, а посоха примет понесли, а полезоша в полночь да и день тои маялися из за Днепра реки со всех сторон, и ис туров пушками биша. И много побиша пскович, зане же они пьяни полезоша, всяких людей побиша много...»⁸. Большие потери пищальников в посланиях королевской канцелярии были раздуты поистине до гомерических размеров. «Как нам писали, — позже сообщал Сигизмунд архиепископу Яну Ласкому — под Смоленском легло более двух тысяч московитов»⁹, а «вся их сила разбилась о стойкость крепости», несмотря на то, что штурм «был ночью, когда люди обычно ищут место для отдыха». В другом письме Ласкому от 14 марта король сообщал: «Нам пишут, что упомянутый Московит потерял более 11 тысяч жизней в этой войне»¹⁰.

Завышенные данные об огромных потерях противника были приведены с одной целью — рассказать о трудностях в войне и значимости победы. Главной темой в переписке с архиепископом стало обсуждение ни много ни мало священного похода против схизматиков. Из Познани король писал Ласкому: «Консиларии (радные паны? — А. Л.) Великого княжества Литовского просят, чтобы при Вашем содействии мы могли вымолить у папы разрешение на крестовый поход против московитов, в который могут пойти большинство воинов из Дании, Швеции, Шотландии, Норвегии, Ливонии»¹¹. Скорее всего, Сигизмунд отдавал себе отчёт в нереальности этой просьбы: папский престол более интересовал коалиция против османов, нежели против московитов, живущих на окраине католического мира. Но королю было важно заявить о возможности такого мероприятия в будущем, обозначив растущую угрозу с востока.

В первых днях марта 1513 года, перед началом весенней распутицы, московский государь снял осаду и отступил. Вместе с ним из-под Орши, Полоцка и Витебска отшли отряды, действовавшие на вспомогательных направлениях. Сигизмунд в письме брату Владиславу объяснял причины отступления противника так: «...суро-вой зимой войско подданных нашего великого княжества с полевыми гетманами направили мы против врага, который тут же в страхе отступил в свою землю, только узнав о движении наших сил»¹². Никакого «грозного войска», шедшего на помощь Смоленску, естественно, не было. Наёмников, как

следует из документов, собрать не удалось, ополчение («посполитое рушение») из-за постоянного «непослушенства» шляхты вряд ли могло собраться до масштабов «грозного войска», а вассал, гроссмейстер Тевтонского ордена, явно не торопился (да и судя по всему, не собирался) оказывать помощь польскому королю — только 13 марта он в очередной раз информировал Сигизмунда о том, что созывает ландтаг, на котором будет решаться вопрос помочь против «московитов»¹³. Но как раз тогда помочь уже была не нужна, Василий III снял осаду Смоленска и отступил. Контрмеры со стороны Литвы явно запоздали.

ОСАДА ВТОРАЯ. ТОЖЕ НЕУДАЧНАЯ

Вскоре по возвращении Василий Иванович стал готовиться к следующему походу. Главные силы выступили 14 июня в Боровск («пошол с Москвы в Боровск своею для дела смоленского»), а через два дня передовая рать князя И. М. Репнина — Оболенского из одиннадцати отрядов поместной конницы и одного отряда служилых татар выдвинулась к Смоленску. Затем 11 августа выступили главные силы, которые соединились с передовой ратью.

Под стенами смоленской цитадели на встречу русским воеводам за городской вал в поле с нагорной стороны вышел сам наместник Юрий Глебович, а также «князи и бояре Смоленские и гетманы желнырьские с желнырами». Как оказалось, напрасно: в ходе боя «смоленских людей многих побили, а иных князей, и бояр, и желнырей живых, переимав многих, послали в Боровск к великому князю».

Московская артиллерия была обеспечена позициями для стрельбы, а сам город был обложен. 11 сентября перед Смоленском появился государь Василий Иванович, «и граду Смоленску великие скорби и бои пушками и пищалами по многу дни сотвори». Однако обстрел ничего не дал: как писал летописец, «и что разобьют днём, а в нощи все зделают».

Согласно донесениям, осада, во время которой московит «безпрерывно штурмовал день и ночь», длилась четыре недели и два дня. Перед крепостью было расставлено «до двух тысяч штук пушек, больших и малых, чего никогда ещё ни один человек не слыхивал. Всё это ему отлили итальянцы и немцы, между ними большое орудие, заряжающееся двумя снарядами: одним каменным и одним железным ядром».

Иоасафовская летопись отмечает: «князь великий пушки повеле уставити и по граду из пушек и пищалей повелел бити по многи дни, и стрельницу Крышевскую разбира и града Смоленска людем многие скорби нанес»¹⁴. После жестоких обстре-

лов, по сообщению анонимного источника, в крепости якобы нашли 700 ядер. Помимо артиллерийской стрельбы, пишет автор донесения, «коварный московит» использовал и нестандартные способы осады: «он имел более 400 живых кошек, которых с привязанным огнём пустил в крепость, точно также пытался посредством летающих голубей внести огонь в крепость: всё это не помогло»¹⁵.

В отличие от первой осады Смоленска, воеводы не испытывали крепость штурмом — в русских источниках о какой-либо неудачной атаке сведения отсутствуют.

Анонимный автор «Нового известия о московитах» распределяет московские силы следующим образом: якобы большое войско («более 80000 человек») стояло под Смоленском, перед Полоцком — 24 000, у Витебска — 8000. Автор «известия» неоднократно и сознательно прибегает к гиперbole, для того чтобы позже показать значение одержанного успеха.

Как и в первую осаду, ВКЛ не сразу отреагировало на новое нашествие. Сигизмунд Казимирович в письме от 1 сентября 1513 года жаловался краковскому епископу, что «литовцы из страха, паники, похоже, неспособны защитить себя своими силами», а «солдат, которых обычно нанимают для защиты от внешних врагов, мы не можем себе позволить из-за [недостатка] времени»¹⁶.

Для деблокады литовских городов в Вильно в срочном порядке стала формироваться небольшая группировка, которую возглавил князь Константин Иванович Острожский. В конце сентября войско ВКЛ выступило из Вильно. Противники распускали слухи о мощи своих армий. Так, в армии короля якобы «собралось около 40 тысяч; он имел хорошее войско и отпустил его с Богом в поход, снабдивши (свое войско) хорошим порядком»¹⁷. Вряд ли вообще армия короля была большой — в 1513-м финансовые средства ещё окончательно не были собраны, наёмников было мало, а хоругви ополчения на войну вышли только из центральных поветов.

Московский отряд под Витебском, атакованный литовскими силами, был вынужден снять осаду и соединиться с главной армией. Псковско-новгородская рать, блокировавшая Полоцк, не втягиваясь в полевые бои с приближавшейся армией Острожского, отступила для соединения с главными силами «октября в 26 день, на Дмитриев день».

Уловка с преувеличением сил короля и несколько успешных стычек сделали своё дело. На этот раз настораживающие вести о приближающейся литовской рати побудили государя снять осаду Смоленска, укрепления которого во второй раз ока-

зались не по зубам московитам. В результате великий князь «наряд весь отоспал к Москве, а сам после пошол, погода мало, не учинив ничтоже».

Две осады одновременно обнажили недостатки противоборствующих сторон. Войску Василия Ивановича не хватало сил и средств разделаться с крепкой цитаделью до прихода деблокирующей литовской армии. Попытки штурмом взять город оканчивались плачевно, а затягивание осады грозило появлением в окрестностях Смоленска свежего литовского войска. Московская армия, несмотря на две неудачные осады, в которых «силы пало с обе стороны», сохранила свои резервы, и уже через три месяца начали готовить третий поход на Смоленск, в котором предполагалось учесть все допущенные ранее ошибки.

Пассивные действия властей ВКЛ приводили к тому, что восточный противник спокойно наращивал свои силы и безнаказанно вторгался в их страну. В Вильно начинали сборы войска только тогда, когда враг был уже на их территории, и распускали силы сразу после его отступления — на содержание армии и ответные акции не хватало ни сил, ни средств. Оборона границ ВКЛ оставляла желать лучшего: государственная казна опустошена; народное ополчение («посполитое рушение»), несмотря на внешнюю угрозу, собиралось медленно; дисциплина в войсках низкая; крымский союзник, несмотря на договоренность, войну против Василия не начал; тевтонцы своих союзнических обещаний не выполняли.

ОСАДА ТРЕТЬЯ. VICTORIA SMOLENSCANA

После отступления армии Василия III смоляне тут же принялись чинить и укреплять стены и валы своих замков. Литовская казна нашла дополнительные средства на закупку боеприпасов и крепостных орудий в Гданьске и Кракове. Деревянно-земляные укрепления были существенно подновлены. Вместо Юрия Глебовича на должность смоленского воеводы назначен Юрий Сологуб, ранее (1503–1507) уже руководивший крепостью. Мера эта, как считали позже, оказалась неправильной — боевого коменданта Смоленска, сумевшего организовать оборону во время двух осад, сменил человек, не имеющий достаточного опыта действий при осаде.

Между тем не прошло и трёх месяцев, как в третий раз русское войско выдвинулось в поход.

В середине апреля 1514 года со стен Смоленска жители и гарнизон вновь увидели передовые части московской армии.

Первым к крепости подошёл передовой полк из 1000 всадников под командованием князя Михаила Глинского. Со смолянами снова начались переговоры.

Вслед за Глинским у города вскоре показались более крупные части под командованием Б. И. Горбатова, М. В. Кислова-Горбатова и И. А. Челяднина: «Они же, пришед, град оступили». Дата полного обложения устанавливается по сообщению королевской окружной грамоты, сообщавшей, что замок был осаждён на день святого Николая, 22 мая. В составе главной группировки из 12 командиров соединений было 7 бояр, что свидетельствовало о достаточно крупных силах, стянутых под Смоленск.

Под Мстиславлем, Друцком и Оршей войску ВКЛ удавалось рассеивать отряды («загоны») противника, но противопоставить главным силам московитов им было нечего.

Под руководством иностранных инженеров были возведены артиллерийские батареи, с которых начался обстрел крепости. Сам великий князь для руководства осадой выехал из Москвы 8 июня.

По свидетельству летописцев, именно артиллерийский обстрел, когда «земля колыбатися... и весь град в пламени курения дыма мнящеся въздыматися ему», похоронил надежду на спасение литовского гарнизона: «И повеле князь велики пушкарю Степану пушками город бити июля в 29 день в субботу, на 3-м часу дни, из-за Днепра. И удари по городу болею пушкою. И лучися на городе по их пушке по наряженой ударити, и их пушку розорвало, и много в городе в Смоленску людем побило... на шестом часу дни тот же Степан ту же пушку пустил, и много ядер мелких собра, и окова свинцем, и удари в другои. И того боле в городе людем побило...». Для второго выстрела пушкарь Степан использовал несколько небольших ядер, окованных свинцовыми полосами. В полёте крепления разрывались, и туча железных, каменных и свинцовых шаров накрывала противника. «И князь велики повеле ударити в третые, и того боле людем побило в городе». Защитники крепости во главе с комендантом Сологубом начали переговоры о прекращении огня, но Василий Иванович был непреклонен.

Условием прекращения бомбардировки могла быть только капитуляция: «и повеле бити пушками многими отвсюду».

После продолжительной осады 30 июля 1514 года гарнизон и жители решили сдать крепость. Решающую роль в капитуляции сыграла тактика чередования переговоров с массированной бомбардировкой. Как отмечено в разведдонесении от 3 сентября 1514-го мемельского комтура Михеля фон Швабена, «Московит с большой силой подошёл к Смоленску, и там же произвёл сильный обстрел из пушек, которым он сразу сильно пробил и разрушил с одной стороны Смоленский замок, так что бывшие в замке не могли дальше держаться, и отправились к московиту [со словами], что он должен прийти и взять замок...»¹⁸

Европейские источники по-разному объясняли причины падения Смоленска. Одни говорили об активной деятельности князя Михаила Глинского, которому якобы удалось переманить «смоленских префектов великими уговорами и еще большими обещаниями»¹⁹. Другие, более эмоциональные современники, возлагали вину за капитуляцию в целом на весь «лицемерный в vere род рутенов», который «предал замок врагу», единоверному московиту²⁰.

Из анализа источников выявляется целый комплекс причин капитуляции крепости. С одной стороны — это отсутствие помощи извне, плотная блокада и сильная бомбардировка крепости. С другой стороны, согласие Василия III на подтверждение всех прежних прав и введение новых преференций смолянам послужило серьёзным соблазном сдать крепость на милость победителя. Третий год войны многим показал, что «великий князь Московский» имеет значительные ресурсы для воплощения своих целей. Жители, конечно же, очень дорожили своими правами и льготами, которые Смоленск получил при королях Александре Ягеллончике и Сигизмунде, мало того, они были готовы защищать их с оружием в руках, но вполне естественным было их желание, чтобы все их права применялись на деле, а не были просто красивыми словами в жалованных грамотах. Те свободы и вольности, обещанные королём, которыми так дорожили жители ВКЛ, часто оказывались пустым звуком на деле.

Выданные привилегии не могли фактически огородить жителей от посягательств как державцев, так и наёмников, которые продолжали грабить население с «бесчеловечной жестокостью». «К грабежам и жестокостям побуждает власти частию королевская бездеятельность, частию то, что на всё это сквозь пальцы смотрит король, который тяготится расследовать истину путём розысков, и если и посыпал он кого-либо для расследования, то следователей державцы подкупали и те правды королю никогда не говорили и объявили, что верх несправедливости, потерпевших виновными. Вот почему люди, с которыми так дурно поступает власть королевская, так легко переходят на сторону московского государя»²¹, — писал один из современников.

В истории трёх осад мы наблюдаем значительные изменения в поведении горожан — от желания «крыцарски оброняться, терпеть нужду от врагов» до момента «бить членом великому князю». Позиция смолян в 1512–1514 годах не была твёрдой и менялась в зависимости от военной обстановки и соотношения сил на фронте. Тот факт, что горожане, помимо грамоты «всей Смоленской земле», были пожалованы ещё дополнительными льготами — отдельной грамотой «мещанам Смоленским», определённо свидетельствует в пользу версии о весомой роли городских слоёв в сдаче Смоленска.

С капитуляцией Смоленска перед войсками Василия Ивановича открылась перспектива захвата «днепровского рубежа». Добровольно один за другим сдались города Мстиславль, Кричев и Дубровно. Держалась только одна крепость, Орша, обороняемая наёмниками Якова Спергальда. Спустя месяц, 8 сентября 1514-го, под этим городом русские войска потерпели жестокое поражение²². Смоленск же благополучно отбился от пришедших вскоре под его стены литовских войск князя Константина Острожского...

После «Смоленского триумфа» война продолжалась ещё долгих 8 лет. За это время были и тяжёлые поражения, и яркие победы. Но по условиям перемирия 1522 года Смоленск остался за московским государем.

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (GStAPK). XX HA (Hist. StA Königsberg) OBA № 19668, 2609. Пользуясь случаем, выражаю признательность С. В. Полехову за ряд консультаций.
2. Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г.: к 500-летию сражения. СПб. 2011. С. 39, 45.
3. Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo//Acta Tomiciana (AT). T. III. 1514-1515. Poznanae. 1853. № I. P. 2.
4. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. I. М. 1977. С. 124–125.
5. 6 января.

6. Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie etc./AT. T. II. № CCXVIII. P. 183. Письмо не датировано, но находится между письмами 26 и 30 марта.
7. GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA № 19676. Fol. 1–2.
8. Псковские летописи. Вып. 2. М. 1955. С. 259.
9. Sigismundus, Rex — Joanni Laski, Archiepiscopo//AT. T. II. № CLXVII. P. 157.
10. Sigismundus, Rex — Joanni Laski, Archiepiscopo//Ibid. № CCIII. P. 176–177.
11. Там же.
12. Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi Hungarie etc./Ibid. № CCXVIII. P. 183.
13. GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA № 19713.
14. Иоасафовская летопись. М. 1957. С. 194.
15. Рябинин И. С. Новое известие о Литве и московитах: К истории второй осады Смоленска в 1513 г.//Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1906. Кн. III. Смесь. С. 6.
16. Напр.: Sigismundus, Rex — Joanni Konarski, Episcopo Cracoviensi//AT. T. II. № CCLXX. P. 239.
17. Рябинин И. С. Указ. соч. С. 5.
18. GStAPK. XX HA (Hist. StA Königsberg). OBA № 20202.
19. Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo//AT. T. III. № I. P. 2.
20. Sigismundus, Rex — Vladislao, Regi et Bohemie//AT. T. III. № CCXVI. P. 153–155; Sigismundus, Rex — Leoni, Pape X//Ibid. № CCXXXII. P. 182–183; Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo//Ibid. № I. P. 2.
21. Кашровский Е. И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I из-за обладания Смоленском (1507–1522)//Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко. Вып. II. Нежин. 1899. С. 240.
22. См. Лобин А. Мифы Оршанской битвы//Родина. 2010. № 9. С. 111–113.